Нестора «писателем-реалистом».[11] В итоге исследователь должен был признать, что Нестор, работая в начале XII в., шел против течения, он стремился «увести русскую агиографию с пути прочно сложившегося жанра исторических сказаний, княжеских житий и историко-агиографических эпизодов».[12]

Однако и теперь, после того как концепция С. А. Бугославского была принята в академической «Истории русской литературы», крупнейшие специалисты продолжают относиться к ней с осторожностью, хотя и принимают, без особой уверенности, положение, что «Сказание» появилось раньше «Чтения», но не при Ярославе, а в конце XI—начале XII вв.[13] Голос в защиту концепции А. А. Шахматова поднял археолог и искусствовед В И. Лесючевский, высказавшийся в пользу старшинства «Чтения» и за более позднее время «Сказания».[14] Все же концепция С. А. Бугославского остается в обращении науки. Так, ее разделяет М. К. Каргер, изучавший «Чтение» и «Сказание» в связи с публикацией открытого его раскопками выдающегося памятника конца XI в. — огромного каменного Борисоглебского храма в Вышгороде.[15] С решением С. А. Бугославского о позднейшем происхождении «Чтения» (около 1108 г.) соглашается и Л. В. Черепнин, привлекший этот памятник в своем интересном исследовании о Повести временных лет, но не касавшийся «Сказания».[16]

При сопоставлении двух очерченных выше концепций о взаимоотношении «Чтения» и «Сказания» возникает прежде всего одно общее соображение. Взгляд А. А. Шахматова хорошо согласуется с определенным наукой общим направлением развития древнерусской литературы и летописания XI—XII вв. и с конкретным движением самого исторического процесса.

Вспомним, что сложившееся при Ярославе «Сказание о распространении христианства на Руси»[17] и знаменитое «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона посвящены церковно-исторической теме. Они освещают лишь борьбу за самостоятельность русской церкви. Эта борьба являлась существенной стороной дела упрочения независимости и могущества молодого русского государства. Поэтому в церковно-исторические произведения времени Ярослава входили, органически связываясь с ними, патриотические идеи величия Русской земли и ее равноправия с другими странами Европы. В то же время существенно, что эти произведения были предназначены для узкой, привилегированной аудитории, «преизлиха насытившейся сладости книжныя». «Слово» Илариона сложно и отвлеченно по своему построению и стилю; это философско-богословское «витийственное» произведение, явно недоступное пониманию простых людей и отнюдь не рассчитанное на широкий пропагандистский эффект. С этим этапом начальной поры русской литературы по всему своему строю и по еще сильной зависимости от византийских агиографических образцов очень органично и естественно связано «Чтение» Нестора, близкое по концепции

---

[11] С. А. Бугославский. К вопросу..., стр. 173 и 163.

[12] История русской литературы, т. I, стр. 328.

[13] См., например: Н. К. Гудзий. История древнерусской литературы. М., 1953, стр. 95.

[14] В. И. Лесючевский. Вышгородский культ Бориса и Глеба в памятниках искусства. Советская археология, т. VIII. Л., 1946, стр. 240.

[15] М. К. Каргер. К истории киевского зодчества XI в. Храм-мавзолей Бориса и Глеба в Вышгороде. Советская археология, т. XVI. М.—Л., 1952, стр. 77—86.

[16] Л. В. Черепнин. «Повесть временных лет», ее редакция и предшествующие ей летописные своды. Исторические записки, № 25. М., 1948, стр. 311.

[17] Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, стр. 44—76.